



Василий ИВАНОВ

ИННОКЕНТИЙ ПУХОВ –



В истории науки есть имена, которые навечно вписываются в ряд основоположников и строителей «архитектуры» этой науки. Если мы воспримем якутскую фольклористику как науку или же как один из разделов российской фольклористики, то имя Иннокентия Васильевича Пухова неразрывно связано с этой наукой, с этим разделом российской фольклористики, ибо он стоял у истоков исследовательской работы по самым фундаментальным проблемам якутского фольклора, его генетических связей с народным творчеством тюркоязычных народов мира. Если хронологически обозначить этот интерес, то можно указать на декабрь 1944 г., когда он поступил в аспирантуру кафедры фольклора филологического факультета Московского государственного университета и стал работать над темой «Неспотыкающийся Мюльдью Сильный: идеи и образы» (олонхо Дм.Мих.Говорова). Сам выбор такой темы свидетельствует о смелости соискателя научной степени, ибо он первым из якутов приступил к научной, исследовательской работе по самому сложному разделу якутского фольклора – героическому эпосу – олонхо.

Василий Николаевич Иванов,
доктор исторических наук, профессор

* Доклад, прочитанный на Всероссийской научной конференции по эпосу, посвященный 100-летию И.В.Пухова (Якутск, 8-9 апреля 2009 г.).

ЭПОСОВЕД, ГРАЖДАНИН*

Аспирантуру Иннокентий Васильевич окончил в 1947 г. и в том же году был направлен в Якутскую научно-исследовательскую базу для работы в отделе литературы ИЯЛИ. В связи с этим работа над диссертацией в какой-то мере приостановилась, к тому же то, что он оказал принципиальную поддержку своему научному руководителю Петру Григорьевичу Богатыреву в его споре с оппонентами, не могло остаться без следа. П.Г.Богатырев был высокого мнения о своем аспиранте: «И.В.Пухов, – писал он, – за время пребывания в аспирантуре по моему настоянию занимался не только темой своей диссертации, но и специализировался в области русского фольклора. Я считаю, что т. Пухов вполне усвоил передовые методы советской фольклористики и сможет применить их как при изучении якутского фольклора, так и при изучении русского фольклора». И хотя научный руководитель рекомендовал принять его на работу в качестве научного сотрудника, его трудовая деятельность началась в сентябре 1947 г. с должности младшего научного сотрудника. Это было время, когда бывший Институт языка и культуры при СНК ЯАССР становился академическим институтом в составе вновь организованной Якутской базы АН СССР, и, следовательно, Иннокентий Васильевич своей научной деятельностью участвовал в становлении и развитии академической науки в нашем регионе. Думаю,

что эта его роль была оценена высоко – в 1954 г. согласно распоряжению Президиума Академии наук СССР его перевели в Москву в Институт мировой литературы им. А.М.Горького АН СССР. Это обстоятельство, конечно же, задержало защиту диссертации. Но я склонен думать, что не только это. Дело в том, что в те суровые во всех отношениях годы идеологического диктата партии якутские олонхо стали, как вам известно, объектом надуманной идеологической борьбы – в олонхо стали искать исторические корни якутского национализма и, как ни парадоксально, именно олонхо «Неспотыкающийся Мюльдю Сильный» испытало эту напасть. Иннокентию Васильевичу было нелегко, но он решил бороться со всеми своими оппонентами: одним из свидетельств тому является его письмо-протест Якутскому обкому партии от «весны и лета» 1953 г., названное «Проект не отправленного письма в Якутский обком КПСС» и имеющее большой объем – 70 страниц убористого почерка.

В этом письме Иннокентий Васильевич предстает как принципиальный ученый, борец за научную правду. И ему удалось одержать в этом далеко не простом споре победу – в 1956 г. он успешно защитил свою диссертацию. А в 1962 г. на ее основе издал в Москве фундаментальную монографию «Якутский героический эпос олонхо!» Борьба за науку, за добрую честь

работника науки всегда была непреложной чертой характера Иннокентия Васильевича, как ученого и гражданина. Именно это имел в виду В.М.Гацак – его современник, коллега по работе, когда писал: «Жизнь у Пухова никогда не была гладкой и ровной, были сложности в работе, потому что складывалась новая научная область, было много споров. Иннокентий Васильевич отличался достаточной определенностью, твердостью в высказываниях в отношении невыношенных позиций. И был довольно активным полемистом. В его характере была одна черточка – никогда ничего не приукрашивать, воспринимать проблемы, обстоятельства в реальном виде». То, что Иннокентий Васильевич был прекрасным полемистом, подтверждал в неоднократном разговоре со мной и Г.П.Башарин.

Виктор Михайлович Гацак имел все основания для того, чтобы так охарактеризовать своего коллегу, с которым он проработал бок о бок с 1954 по 1979 г., год его смерти. Таким образом, в стенах Института мировой литературы, института, имеющего мировой авторитет в науке, Иннокентий Васильевич занимался наукой на протяжении 25 лет. Мы не всегда придаем должного значения этому обстоятельству, но работа в высококвалифицированном коллективе центрального академического института говорит о многом, а он в этом коллективе зарекомендовал себя достойно, как

подготовленный, широкоэрудированный сотрудник. Это не мое наблюдение, а авторитетное мнение его высокотребовательных коллег; не зря же тот же Виктор Михайлович без всяких оговорок говорил о нем: «Он был уникальным специалистом». Уникальность Иннокентия Васильевича как представителя науки, как специалиста проявлялась во всем. Я здесь не буду перечислять все, что делал он в стенах института, об этом речь пойдет в других случаях.

Хотелось бы, прежде всего, выделить исключительную работоспособность Иннокентия Васильевича. За время пребывания в институте им были написаны следующие работы: «Исполнение олонхо» (2 п.л.), «Очерк жизни и творчества якутской народной певицы Ек.Ивановой» (3 п.л.), «Олонхо» (39 с.), «Вопросы собрания и изучения якутского героического эпоса олонхо» (1 п.л.) и, кроме того, «Идеи и образы олонхо Дм.Мих. Говорова «Мюльдю Сильный» (420 стр.).

Также им было написано большое число научных рецензий, сделаны выступления и доклады по вопросам якутского устного народного творчества, литературы и этнографии, собраны произведения якутского фольклора.

Из его научных исследований мне хотелось бы выделить, прежде всего, фундаментальную монографию «Якутский героический эпос олонхо. Основные образы» (М., 1962), в которой теоретически исследованы основные проблемы якутских олонхо: главный герой олонхо, богатыри айыы, как второстепенные персонажи олонхо, образы женщин – героинь олонхо, противники героя и рабы. Нельзя не обратить внимания на то, что эти проблемы являются общими для всех олонхо; одновременно автор размышлял о времени и месте происхождения олонхо, его жанровом содержании и т.д. Ход его рассуждений сводился к заключительному общему положению о том, что «в олонхо якутский народ дает художественное обобщение своего жизненного опыта, свое понимание деятельности человеческого общества, отношений внутри этого общества (в рамках племенных отношений и племенного сознания). Это древнее коллективное творчество народа. Реальная жизнь в олонхо показывается в соответствии с представлениями древнего человека. А древний человек наряду с

окружающей его реальной жизнью создавал другой, фантастический мир природы. Вследствие этого человек олонхо (как и весь мир олонхо) наделен чудесными, гиперболическими качествами. Жизненный опыт у создателей олонхо еще не был достаточно богатым, а их знания природы и общества еще не были достаточно высокими. Поэтому в олонхо изображение богатого красками своеобразного мира сочетается с наивными представлениями о природе этого мира». Эти суждения автора стали основополагающими для дальнейшего изучения якутского олонхо, его жанровой природы и других вопросов. По постановке проблем, по глубине их решения, по своему богатому содержанию эта монография намного шире и выше уровня кандидатской диссертации и могла бы претендовать на докторскую, но... Но судьбе было угодно, чтобы эта идея не была реализована.

Продолжением исследований теоретических проблем якутских олонхо явились многие статьи, опубликованные в разные годы и помещенные в различных изданиях. И.В.Пухов еще при жизни объединил их в один сборник и подготовил его к печати. Сборник вышел в 1980 г. под названием «От фольклора к литературе». Особенность этих работ состояла в том, что автор через общие вопросы фольклора выходил к проблеме национальных корней и традиции якутской художественной литературы и рассматривал последнюю как закономерный итог развития фольклорной народной культуры, как ее духовную основу и суть. В этом ключе не случайны размышления Иннокентия Васильевича о творчестве А.Е.Кулаковского и П.А.Ойунского, в котором он уловил процесс переосмысления поэтики фольклора в творениях этих ярких художников словесного искусства. В этих статьях ставились и решались по существу методологические вопросы развития якутской художественной литературы в целом. Говоря о роли И.В.Пухова в якутском литературоведении (В.В.Тищенко, Н.Н.Тобуроков), специалисты справедливо отмечают, что «как ученый он сформулировался в русле сравнительно-типологического метода, который был взят на вооружение литературоведческой наукой и во многом способствовал появлению статей, монографий, специальных исследо-

ваний, существенно расширивших наши представления о характере литературного процесса, в том числе в младописьменных литературах», и в этом плане он «находился на перспективных путях научного поиска».

Методологическая зрелость в науке – это признак зрелости исследовательской мысли, высокого уровня творческой энергии. Мне представляется, что Иннокентий Васильевич как исследователь-фольклорист достиг этой вершины, ярким свидетельством чего является только что изданная нами его работа «Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо», выполненная с использованием сравнительно-исторического анализа эпосов каждого из этих народов, их внутренней структуры, характера, форм бытования в определенных исторических условиях, выявления общего и особенного в них, выделения на основе учета «различных многосторонних связей» их этносов того, что «было ближе к историкам якутского эпоса». И он считал, что «в целом эпическое творчество алтае-саянских народов... может быть сопоставлено с родственным ему якутским эпосом как единое целое, отличающееся или сходное с ним в целом и по отдельным признакам». В целом же, ознакомившись с исследованием И.В.Пухова, я рискну заявить, что этой работой он первым открыл новое, перспективное сравнительно-историческое направление исследований героического эпоса тюркских народов Сибири и доказал огромные преимущества этого метода в нашей региональной фольклористике. И это я считаю исследовательским вызовом, который мы должны принять и ответить на него расширением и углублением наших исследований по проблемам олонховедения, только тогда мы добьемся подлинного научного понимания исторического места якутского олонхо среди героического эпоса не только тюркских народов, но и народов мира. Не скрою – я принял решение о срочном издании этой рукописи И.В.Пухова для того, чтобы на этой конференции инициировать профессиональный разговор специалистов по вопросам сравнительно-исторического изучения эпосов родственных нам народов, ученых, которые согласились принять участие в работе нашей конференции и присут-

ствуют здесь. Уверен, что такой разговор произойдет, и польза от него будет бесспорно большой.

Считаю своим долгом остановиться еще на одном вопросе. Я имею в виду активное участие И.В.Пухова в борьбе за литературное наследство трех якутских писателей: А.Е.Кулаковского, А.И.Софронова и Н.Д.Неустроева. В своей автобиографии он пишет: «... с 1957 г. я принимал участие в дискуссии по вопросам якутской литературы, закончившейся в 1962 г. постановлением бюро Якутского обкома КПСС «Об исправлении некоторых ошибок по вопросам якутской литературы» и отменной неправильного решения об олонхо «Неспотыкающийся Мюльдю Сильный». В последние годы принимал участие в дискуссиях вокруг творчества и общественной деятельности первого якутского поэта А.Е.Кулаковского». Так просто писал Иннокентий Васильевич, но за этими строками стояли годы напряженных раздумий, временами – колебаний, а в основном – годы активной, деятельной борьбы за правду. Общий баланс этой борьбы оказался для него победным, а это – главное.

Вы, т.е. многие из вас, должно быть, знаете, что в 1961 г. в журнале «Знамя» была опубликована статья Арфо Аветисовны Петросян «Споры о наследстве (к вопросу о создании всеобщей истории советской литературы)», которая стала переломной в споре о литературном наследстве трех писателей и в которой дана принципиально новая оценка в защиту Кулаковского, Софронова и Неустроева, научно обосновано мнение о полной реабилитации имен писателей и восстановлении их литературного наследства. Это мнение известного в стране ученого и представителя академического института с мировым имиджем сыграло исключительную роль в пересмотре пресловутого постановления бюро Якутского обкома КПСС от 6 февраля 1952 г. «О буржуазно-националистических извращениях истории якутской литературы». Только потом, много лет спустя мы узнали, что главным консультантом Арфо Аветисовны был Иннокентий Васильевич. Я думаю, что эта его позиция была связана не только с тем, что он был одним из редакторов книги Г.П.Башарина «Три якутских реалиста-просветителя», преданной тогда

социологизированной идеологической анафеме, сколько с его принципиальной научной позицией по вопросам литературного развития, заботой о научно-объективном отношении к тем деятелям литературы и искусства, которые творили для народа и во имя народа. При этом мы должны достойно оценить честное, искреннее преодоление им своих колебаний именно по этому вопросу, о котором он писал своему другу, единомышленнику Семену Петровичу Данилову...

Когда в 70-х гг. XX в. по стране прокатилась новая волна антикулаковщины – волна ожесточенной атаки за реанимацию пресловутого постановления 1952 г., Иннокентий Васильевич воочию показал свою принципиальность, свои бойцовские качества, последовательность своей жизненной позиции. Я не хотел бы много говорить об этом, достаточно напомнить, что в апреле 1979 г. он обратился с письмом к секретарю ЦК КПСС М.В.Зимянину «по этому весьма важному политическому вопросу» с объемистым приложением, названным им «О политической клевете». Эти документы опубликованы в 1999 г. в книге «Иннокентий Васильевич Пухов. Воспоминания. Ахтыылар» и уже стали достоянием широкой общественности. Я неплохо знаю историю составления этих документов, ибо они были написаны в ходе наших двух встреч в его квартире в доме по улице Мосфильмовская г. Москвы в апреле 1979 г. Заключительная часть приложения была написана в моем присутствии за столом во время обеда, и я тогда удивился его исключительной памяти и тому, как он быстро пишет. Копия этих документов имеется в моем личном архиве. Хочу сказать одно – в том, что 10 мая 1989 г. была поставлена окончательная точка в «проблеме Кулаковского», есть и осязаемый вклад Иннокентия Васильевича. Жаль, что ему не удалось дожить до этого дня.

Проследивая жизненный путь, деятельность И.В.Пухова, можно сказать, что он должен быть доволен главными итогами своей жизни. В конечном итоге он вышел победителем в борьбе за свои жизненные позиции, за судьбу своего родного народа. В науке он оставил фундаментальные труды, открывшие новые направления исследований, следовательно, его мысли и идеи будут продолжены новыми поколениями

фольклористов. Он обладал сильным духом, был неординарной личностью. Он был достойным представителем первого поколения якутской интеллигенции, получив прекрасное образование в Иркутском госуниверситете, в аспирантуре Московского государственного университета, пройдя горнило творческой, вдохновенной работы во всемирно известном Институте мировой литературы РАН. И не зря коллеги отмечали его образованность, грамотность, общительность, внутреннюю воспитанность. Он великолепно знал русскую поэзию, был тонким знатоком поэзии «серебряного века», но «никогда в жизни это не афишировал». Очень точно сказала об этом профессор Алла Ивановна Алиева: «Вся его культура, его образование – они были внутри, глубоко в душе», а это природный, естественный признак настоящего интеллигента. Доктор филологических наук, профессор Уздият Башировна Далгат – его коллега, единомышленник, обратилась к будущим исследователям с такими волнительными словами: «Цените Иннокентия Васильевича, ссылайтесь на него. Он – явление выдающееся во всех отношениях». Настоящая конференция – шаг к реализации этой благородной мысли, и мы постараемся сегодня понять, что Иннокентий Васильевич был действительно «выдающимся явлением». Мы сегодня воздаем дань уважения нашему земляку и уверены в том, что его научные идеи и мысли всегда будут в активе нашей науки.